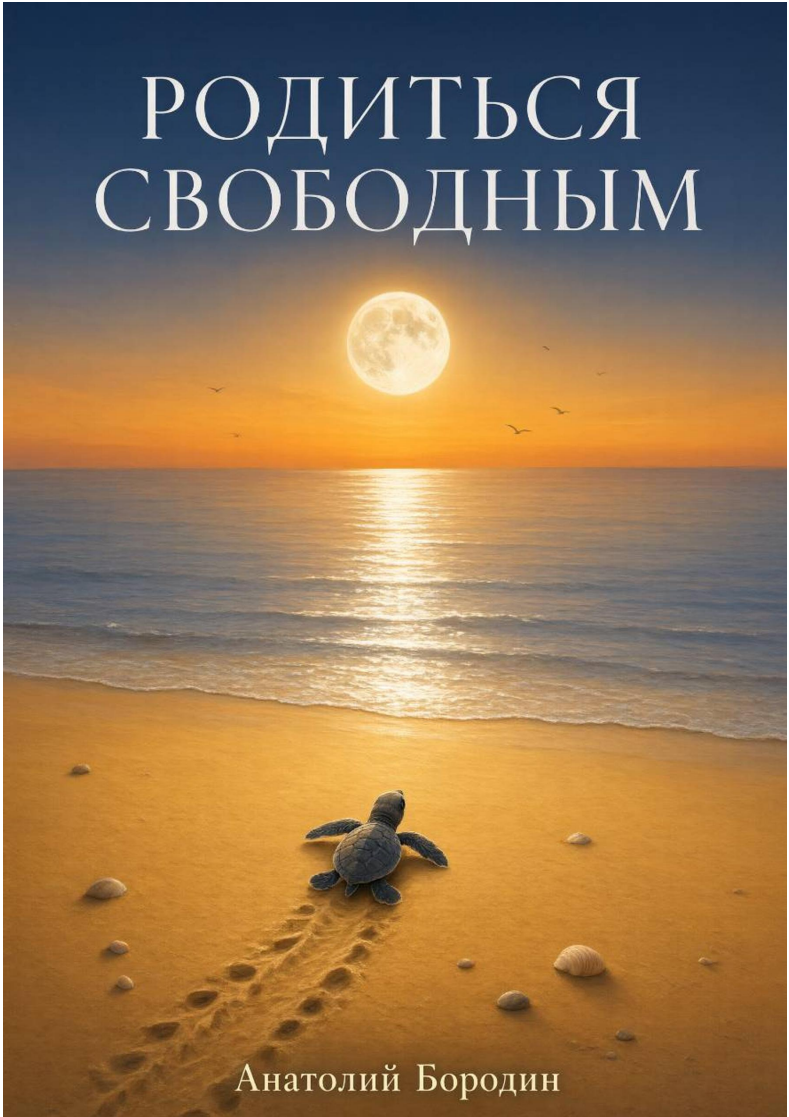
РОДИТЬСЯ СВОБОДНЫМ

Анатолий Бородин

Анатолий Бородин
Родиться свободным

https://litres.ru/74673198
SelfPub; 2026

Аннотация

В повести автор размышляет о том, может ли человек быть свободным, если с самого рождения и всю свою жизнь он кому-то что-то должен: родителям, учителям, начальникам, обществу, стране? Можно ли просто жить — без цели, без миссии, без предназначения? Можно ли не помогать, не оставить след в истории и не чувствовать никакой вины?

Нам с детства говорят: учись ради оценок, получай аттестат ради диплома, получай диплом ради работы, работай ради зарплаты, зарабатывай ради того, чтобы потреблять, жить и не умереть.

Маугли никогда не был свободен? Тарзан сидел в клетке из лиан и называл её домом? Робинзон Крузо — не символ свободы, а узник без стен, запертый на острове посреди бесконечного океана?

Что, если свобода человека — это не отсутствие цепей, а способность увидеть их и сказать себе: «Да, они есть. Я это знаю. И я продолжаю жить»?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЯЖ 5
Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОНВЕЙЕР 16
Глава 5 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анатолий Бородин
Родиться свободным

Родился свободным, попил молока
И больше свободы не знал никогда?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЯЖ

Глава 1

Ночь на тропическом пляже была густой, как тёплое молоко. Луна висела низко, тяжёлая, оранжевая, и казалось, что она вот-вот упадёт в океан и зашипит, раскалённый камень в холодной воде. Но она не падала. Она висела — терпеливо, равнодушно — и смотрела на песок, где происходило чудо, которое никто не видел и не должен был видеть.

Из песка, из тёплой, влажной глубины, где два месяца назад мать отложила яйца и ушла навсегда, появилась маленькая голова. Затем — лапки, крошечные, с перепонками между пальцами. Затем — панцирь, мягкий ещё, не окрепший, цвета мокрой глины. Маленькая черепашка выбралась из яйца, а затем из песка, и впервые в своей жизни вдохнула воздух.

Она не знала, что она черепашка. Она не знала, что такое океан, что такое луна, что такое страх. Она не знала, что где-то вдали, за горизонтом, существуют существа, которые называют себя людьми и которые придумали слово «свобода», чтобы потом всю жизнь спорить о его значении. Она не знала ничего. И в этом незнании было нечто абсолютное, нечто такое, чего человек не может достичь никогда, потому что

человек рождается уже внутри знания — внутри чужого, навязанного, унаследованного знания.

Черепашка повернула голову к океану. Она не знала, почему именно туда. Никто ей не говорил. Никто не показывал направление. Не было матери, которая бы сказала: «Иди туда, малыш, там вода, там жизнь, там ты будешь в безопасности». Не было учителя, который бы объяснил: «Запомни: океан находится на востоке, тебе нужно ползти на восток, иначе ты погибнешь». Не было государства, которое бы выдало ей направление, путёвку, предписание. Не было школы, где она провела бы одиннадцать лет, изучая теорию ползания к океану, прежде чем ей разрешили бы ползти.

Она просто поползла.

И в этом было всё. В этом простом, бессознательном, инстинктивном движении была та самая свобода, о которой люди пишут трактаты, ради которой устраивают революции, за которую умирают и которую, в конечном счёте, так и не обретают. Черепашка была свободна не потому, что она осознавала свою свободу. Она была свободна потому, что не знала иного. Не было цепей, от которых нужно было освобождаться. Не было клетки, из которой нужно было бежать. Не было стен, которые нужно было разрушить. Был только песок, луна, инстинкт и океан.

Человек смотрит на эту черепашку и говорит: «Вот она. Вот истинная свобода». И в его голосе — тоска. Глубокая, древняя, неизлечимая тоска по тому состоянию, которого

у него никогда не было и не будет. Потому что человек не рождается на пустом пляже. Человек рождается в комнате. В палате. В здании. В городе. В стране. В системе. В языке. В истории. В чужих ожиданиях. Человек рождается уже должным — должным дышать правильно, кричать правильно, расти правильно, жить правильно. И первое, что он чувствует, выходя из материнского тела, — это холод. Не холод океана, не холод ночного воздуха над пляжем. А холод чужих рук, чужого света, чужого голоса, который говорит: «Мальчик. Три килограмма двести граммов. Всё в норме».

Всё в норме. С этого момента и навсегда. Всё должно быть в норме.

Глава 2

Я лежал в темноте и думал о черепашках. За окном шумел город — не тропический, не океанский, а обычный, серый, бетонный город, где миллионы людей просыпались по будильнику, чтобы идти туда, куда им было предписано идти. Шумели машины. Гудел трансформатор в подвале. Кто-то на пятом этаже включил телевизор, и сквозь стену доносился глухой, неразборчивый голос — голос ведущего, который сообщал новости, то есть рассказывал миллионам людей о том, что произошло в мире, пока они спали, и о чём им надлежало думать сегодня.

Я думал о свободе. Не о той свободе, о которой пишут в конституциях. Не о той, которую обещают на выборах. Не о той, которую провозглашают в манифестах. Я думал о свободе первичной, изначальной, той, которая должна бы принадлежать каждому по праву рождения. Той, которую черепашка обретает в момент, когда её голова появляется из песка.

«Родиться свободным», — подумал я. И тут же усмехнулся. Потому что понял: это невозможно. Невозможно для человека. Черепашка может родиться свободной, потому что ей не нужна мать. Ей не нужен никто. Ей нужен только инстинкт и океан. А человеку?

А человеку нужна мать.

Это первое и главное, что разрушает саму идею свободы

при рождении. Ребёнок не может выжить без матери. Девять месяцев он живёт внутри неё, питается и дышит от неё, слышит биение её сердца. И когда он выходит наружу, он не становится свободным. Он становится зависимым. Абсолютно, тотально, безоговорочно зависимым. Ему нужна грудь, тепло, руки, голос, забота, защита и внимание каждый день и час. Без всего этого он умрёт. Не через месяц, не через неделю, а всего через несколько часов.

Черепашка не умрёт без матери. Она умрёт без океана, если не доползёт до воды. Но это другой вид смерти — смерть от внешнего обстоятельства, от хищника, от солнца, от обезвоживания. Это не смерть от отсутствия другого существа. Черепашка не умирает от одиночества. А человек умирает.

Младенец умирает от отсутствия прикосновения. Это доказано, это известно, это записано в медицинских справочниках. В детских домах, где детей кормят, но не берут на руки, они умирают. Не от голода. Не от болезни. От отсутствия контакта. От того, что никто не прижал их к себе и не сказал: «Ты здесь. Ты не один. Ты нужен».

И вот тебе первое звено цепи. Не кандалы, не тюрьма, не приказ командира. Просто тёплые руки и вкус молока матери. И ты уже не свободен, ты привязан, ты зависим, ты должен. Не в юридическом смысле, не в социальном, а в самом глубоком, самом биологическом, самом неоспоримом смысле. Ты должен быть рядом с тем, кто даёт тебе жизнь. Ты должен любить того, кто тебя кормит. Ты должен бояться поте-

рять того, кто тебя защищает.

И это не рабство. Это любовь. И в этом вся трагедия, потому что рабство можно свергнуть, а любовь — нет. От рабства можно освободиться, а от любви — только умереть. И вот ты стоишь, маленький, голый, беспомощный, и любишь свою мать, и эта любовь делает тебя несвободным навсегда. Навсегда. Потому что даже когда мать умрёт, ты будешь нести в себе эту любовь, эту привязанность, этот долг, который никто тебе не выписывал, но который ты никогда не сможешь вернуть.

Глава 3

Я помню молоко. Не в буквальном смысле — не помню вкуса, не помню тепла, не помню рук. Но помню ощущение. Ощущение, что мир — это что-то огромное и тёплое, что окружает тебя со всех сторон, что дышит вместе с тобой, что не отпустит, не бросит, не отвернётся. Помню ощущение абсолютной безопасности. И абсолютной зависимости.

Это было начало. Не свободы. А её противоположности.

Потом были другие ощущения: холод, голод и мокрая пелёнка. И каждый раз — крик. Не крик свободы. Крик требования. Крик зависимости. «Дайте мне. Согрейте меня. Покормите меня. Возьмите меня на руки». Ребёнок не кричит: «Оставьте меня в покое, я свободен». Ребёнок кричит: «Я не могу без вас». И это правда. Это абсолютная, неоспоримая, биологическая правда.

А потом приходит первое слово. И это слово — не «свобода». Это слово — «мама». Или «папа». Или «дай». Или «нет». Но в любом случае — это слово, обращённое к другому. Не к себе. К другому. Потому что без другого нет ничего. Без другого нет языка, нет мысли, нет осознания себя. Ребёнок узнаёт, что он существует, только через другого. Через мать, которая смотрит на него и говорит: «Ты есть». Через отца, который берёт его на руки и говорит: «Ты мой». Через зеркало, в котором он впервые видит своё лицо и понима-

ет: это я. Но, чтобы увидеть себя в зеркале, нужно сначала узнать себя в чужих глазах.

И вот тебе второе звено. Язык, мысль, самосознание. Всё это приходит через другого. Всё это делает тебя зависимым. Ты не можешь думать без языка. А язык тебе дали. Ты не можешь осознавать себя без зеркала. А зеркало тебе показали. Ты не можешь знать, кто ты, без того, чтобы кто-то тебе это не сказал.

Черепашка не знает, кто она. И это её свобода. Ей не нужно знать. Ей нужно только ползти. А человеку нужно знать. Всегда. Всю жизнь. Кто я? Зачем я? Что я? И ответы на эти вопросы он может получить только от других. Или от себя, но через призму того, что ему сказали другие. Даже самый одинокий философ, сидящий в своей каменной башне, мыслит на языке, который ему дали другие. Использует понятия, которые придумали другие. Спорит с идеями, которые сформулировали другие. Он не свободен. Он в диалоге. Вечном, бесконечном, неизбежном диалоге с человечеством.

Итак, первое звено — биологическая зависимость: мать, молоко, тепло. Второе звено — когнитивная зависимость: язык, мысль, самосознание. Третье звено — социальная зависимость: окружающие люди, их ожидания, их правила, их законы, их деньги.

И вот ты стоишь, взрослый, образованный, самостоятельный, и думаешь: «Я свободен». А на тебе три цепи. И ты их не видишь. Потому что они не железные. Они из любви, из

языка, из привычки. И ты думаешь, что это твоя кожа. Что это ты и есть. Что без них тебя нет.

А может, и правда нет?

Глава 4

Ночной город за окном не утихал. Миллионы людей в этом городе спали, и их сны были сотканы из чужих слов, чужих образов, чужих ожиданий. Они видели во сне экзамены, которые сдавали двадцать лет назад. Видели начальников, с которыми когда-то работали и выполняли все их поручения. Видели родителей, которые говорили: «Ты должен». Видели рекламу, которая говорила: «Ты можешь быть лучше, если купишь вот это». Видели новости, которые говорили: «Бойся». Видели соцсети, которые говорили: «Ты недостаточно хорош».

И никто из них не видел во сне пустой пляж. Никто не видел себя черепашкой. Потому что черепашка не снится. Черепашка — это то, чем ты никогда не был и никогда не будешь. Черепашка — это метафора недостижимого.

Я встал с кровати и подошёл к окну. Внизу — улица. На улице — фонари. Под фонарями — редкие прохожие. Куда они идут? Зачем? Они знают? Или просто идут, потому что так положено, потому что так всегда, потому что остановиться — значит задуматься, а задуматься — значит испугаться, а испугаться — значит признать, что ты не свободен, а просто идёшь.

На другом конце улицы горело окно. Кто-то тоже не спал. Может быть, тоже думал о свободе. Может быть, просто

смотрел телевизор. Может быть, кормил ребёнка. Может быть, плакал. Может быть, смеялся. Миллиарды окон домов и квартир на этой планете, и в каждом — своя история зависимости. Своя цепь. Своя любовь, которая не отпускает. Свой долг, который не прощают. Своя система, которая обязывает.

Я отвернулся от окна и сел за стол. Передо мной лежал чистый лист бумаги. Я взял ручку и написал: «Родиться свободным». А потом зачеркнул. А потом написал снова. И снова зачеркнул. Потому что не знал, правда это или ложь. Не знал, возможно ли это или нет. Не знал, хочу ли я это знать.

Но писать было нужно. Не для того, чтобы ответить, а для того, чтобы спросить. Спросить себя, спросить мир, спросить ту маленькую черепашку, которая ползёт сейчас по какому-то пляжу к своему океану и не знает, что я о ней думаю, не знает и не хочет знать. И в этом — её свобода, и моя несвобода, потому что я думаю о ней, а она обо мне — нет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОНВЕЙЕР

Глава 5

Первого сентября в семь лет меня повели в школу. Помню: белые банты у девочек, тёмные костюмы у мальчиков, гладиолусы в целлофане, запах нового портфеля, скрип ботинок по линолеуму. Помню линейку. Длинную, бесконечную линейку, на которой стояли все — от первоклашек до выпускников. И кто-то говорил в микрофон. Что-то про будущее. Что-то про знания. Что-то про то, что мы — надежда. Что мы — смена. Что мы должны.

Должны. Это слово прозвучало тогда впервые. Не «хотим», не «можем», не «будем», а «должны». И никто не спросил: а почему? А кто решил? А зачем? Никто не спросил, потому что в семь лет не спрашивают. В семь лет верят. Верят, что взрослые знают, что делают. Верят, что если тебя куда-то ведут, значит, так нужно. Верят, что мир устроен правильно и справедливо, и если тебе говорят идти в школу, значит, школа — это хорошо, и нужно идти, и нужно стараться, и нужно не подвести.

И ты идёшь. И садишься за парту. И открываешь тетрадь. И берёшь ручку. И пишешь. И не знаешь, что с этого момента ты — винтик. Маленький, блестящий, новенький вин-

тик в огромной машине, которая называется «система образования». И машина эта работает не для тебя. Она работает для себя. Для государства. Для экономики. Для рынка труда. Для того, чтобы через одиннадцать лет ты вышел из неё готовым продуктом с сертификатом качества под названием «аттестат о среднем образовании» и был готов к следующему этапу обработки.

Мне было семь лет. Я не знал, что такое аттестат. Я не знал, что такое ВУЗ. Я не знал, что такое работа, зарплата, пенсия, ипотека, кредит, налоги. Я не знал, что такое экономика, политика, общество. Я знал только то, что мне сказали: «Садись. Открой тетрадь. Пиши». И я сел, и открыл, и написал, и стал частью конвейера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.